

*Посвящается
Николя Сиркису¹
и Яннику Перрену²*

*Светлой памяти
Паскаль Ромишвили³*

¹ Николя Анри Дидье Сиркис (род. в 1959), известный под сценическим псевдонимом Никола Сиркис — фронтмен и вокалист французской рок-группы *Indochine* — «Индокитай» (фр.).

² Янник Перрен, также известный как Стэн Любрик — французский актер, оператор, сценарист и режиссер фильмов для взрослых.

³ Паскаль Ромишвили (1962–2019) — флорист, защитница животных.

4 декабря 2017

Сегодня утром Нина посмотрела мимо меня, едва скользнув взглядом по лицу (так капли воды скапываются по глянцевой поверхности дождевика), и исчезла в питомнике.

Погода была ужасная, о такой говорят: «Разверзлись хляби небесные...»

Я успела заметить под капюшоном бледное лицо в обрамлении черных волос. На ногах у Нины были резиновые сапоги — почему-то гигантского размера, в руке она держала шланг. Меня будто шибануло в живот электрическим разрядом силой этак в пять тысяч вольт.

Я выгрузила тридцать кило собачьего корма, но внутрь не зашла, оставила у ограды. Так происходит раз в месяц: я слышу лай, но собак не вижу, если только волонтер не выгуливает одного из постояльцев на пустыре.

Мешки с крокетами, мою «искупительную долю», перетаскивает от ворот здоровенный, заросший щетиной парень, он оставит их у стены с двумя табличками. Первая лаконична: «БРОСИТЬ = УБИТЬ». Вторая традиционна: «ПРОСЬБА ПЛОТНО ЗАКРЫВАТЬ ЗА СОБОЙ ВХОДНУЮ ДВЕРЬ».

Дважды в год, на Рождество и перед летними каникулами, я бросаю в почтовый ящик конверт с наличными,

написав черным фломастером «ДЛЯ НИНЫ БО». Не хочу, чтобы она знала, от кого пожертвование, потому что делаю это не для собак, а ради нее. Все, конечно же, будет потрачено на миски и ветеринаров, но анонимность жертвователя позволит ей думать, что в мире живут не одни только изверги, выбрасывающие котят в мусорные баки.

Тридцать один год назад Нина посмотрела *сквозь* меня, в точности как сегодня утром. Ей было десять, она вышла из мужского туалета, в женском была очередь, а Нина с детства не любила ждать.

В тот далекий день Нина скользнула по мне взглядом и бросилась в объятия к Этьену.

Воскресенье, вторая половина дня, «Прогресс» — кафе с табачным киоском, принадлежащее родителям Лоранс Вийяр. Посетителей нет, металлические жалюзи спущены — заведение закрыто по случаю дня рождения дочери хозяев. Помню, что стулья стояли на столах вверх ножками, электробильярд сдвинули к бару и организовали импровизированный танцпол. Подарочная бумага, сорванная нетерпеливыми руками, валялась на полу рядом с пакетами от чипсов, печенья «Чоко-БН», в картонных стаканчиках с желтыми соломинками плескались «Оазис» и лимонад.

Приглашен был весь класс. Я никого не знала, потому что совсем недавно приехала в Ла-Комель, рабочий городок в самом сердце Франции с населением двенадцать тысяч душ.

Нина Бо. Этьен Больё. Адриен Бобен.

Я видела отражения их лиц в зеркале над стойкой бара.

У них были старомодные, передаваемые по наследству имена. Каждый второй из нас Орельен, Надеж или Микаэль.

Нина, Этьен и Адриен были неразлучны, а меня ни в тот день, ни позже не замечали.

Нина с Этьеном танцевали под «*Дай мне шанс*»¹ группы

¹ Take on Me (англ.).

a-ha. Запись длилась двадцать минут, и ее ставили снова и снова, как будто других в запасе не было.

«Они танцуют как взрослые, — подумала я тогда. — Наверное, много репетируют...»

Освещенные стробоскопом мальчик и девочка напоминали двух альбатросов, гонимых ветром над ночным морем.

Адриен сидел на полу, прислонясь к стене, и, как только Синди Лопер запела «*Истинные цвета*»¹, ринулся приглашать Нину на медленный фокстрот.

Этьен чуть коснулся меня плечом. Никогда не забуду его запах — ветивер с сахаром.

* * *

Я живу одна на склонах Ла-Комели. Не слишком высоко — окружающую местность правильнее будет назвать *умеренно холмистой*. На некоторое время я уезжала, но потом вернулась, потому что тут я своя, мне знакомы голоса всех вещей, лица соседей, я хожу по двум главным улицам и каждую неделю покупаю продукты в супермаркете. Уже лет десять цена на жилье остается просто смехотворной, иначе не скажешь, приобрести участок земли не проблема, вот я и купила домик — три франка шесть су за квадратный метр — и привела его в порядок. Четыре комнаты и садик со старой липой. Летом она дарит гостеприимную тень, зимой я завариваю липовый цвет и с удовольствием его пью.

Многие покидают Ла-Комель. Многие. Нина осталась.

Этьен и Адриен уехали, вернулись на Рождество, снова уехали.

Я работаю дома, читаю корректуры для издательства, время от времени перевожу рукописи и пару месяцев в году подменяю обозревателя местной газеты, чтобы не утратить связь с внешним миром. В августе обеспечиваю горожан

¹ True Colors (*англ.*).

информацией о смертях, годовщинах свадеб и победителях турниров по белоту, а в декабре добавляются объявления о представлениях для детей и елочных базарах.

Переводы с редактурой-корректурой остались от прежней жизни. А еще есть воспоминания, настоящее и прошлое, меняющие ароматы, как змея кожу. Другая жизнь — другие запахи.

Детство пахнет гудроном, резиной тяжелых автомобильных шин. Сладкой ватой, дезинфекцией, которую перед началом учебного года проводят во всех классных комнатах, в холодные дни — дымом печных труб, хлорированной водой муниципальных бассейнов, пропитавшейся потом спортивной формой, липнувшей к разгоряченным телам учеников, возвращающихся с урока физкультуры колонной по два. Розовыми жвачками «Малабар», ирисками «Карамбар», нитями клея, прилипшего к пальцам, и размягчающей души елкой.

У отрочества запахи иные: первая затяжка, мускусный дезодорант, гренок с маслом в чашке горячего шоколада, виски-кола, погребки, переделанные в танцзалы, желанное тело, одеколон *La Manufacture Cologne Précieuse*, гель для волос, яичный шампунь, помада, замоченные в тазу джинсы.

Много лет спустя случайно натыкаешься на забытый шелковый шарф и вспоминаешь первую, несчастную любовь.

Еще есть лето, непременно составляющая любых воспоминаний. Лето бессмертно, оно существует вне времени. У него самый стойкий запах. Он пристаёт к одежде. Его ищешь всю жизнь. Сладчайшие фрукты, морской бриз, оладьи, черный кофе, масло для загара, бабушкина пудра *Caron*. У лета нет возраста, нет ни детства, ни юности, оно принадлежит всем возрастам. Лето — ангел.

Я высокая, фигура у меня хорошая, волосы темно-каштановые, подстриженные до плеч, и челка. Пробивающуюся кое-где седину я старательно закрашиваю.

Меня зовут Виржини. Я их ровесница.

Сегодня из трех друзей со мной разговаривает только Адриен.

Нина меня презирает.

С Этьеном я сама не желаю иметь дела.

А между тем они с детства заволаживают меня. С самого детства и по сию пору я чувствую привязанность только к этой троице.

И к Луизе.

2

5 июля 1987

Все начинается с сэндвича, картошки фри с кетчупом и разболевшегося живота. Нина сидит под зонтиком *Miko*, напротив продавца жареных вкусностей. Несколько столиков из крашеного железа стоят на террасе, нависающей над тремя чашами городского бассейна. Она слизывает соль с подушечек пальцев, слушает «*Прекрасный остров*»¹ Мадонны, восхищенно разглядывает загорелого блондина, прыгающего с пятиметрового трамплина, выскребает остатки лакомства из желобков пластикового контейнера. Этьен раскачивается на задних ножках стула и попивает клубничный лимонад, а Адриен ест персик, и сок течет по рукам, подбородку, шее и груди.

Нина любит наблюдать за мальчишками — не таясь, в открытую, — упирается взглядом в... определенную часть тела и не отводит взгляд. Этьен ёжится и часто говорит ей: «Прекрати так смотреть!» Адриену плевать — такова уж Нина, тормозов у нее не было, нет и не будет.

Ну вот, снова спазмы в животе, что-то горячее течет по ногам. До Нины наконец доходит. «Нет, не может быть,

¹ La Isla bonita (*исп.*).

еще не время. Не хочу. Я еще слишком маленькая, через две недели мне будет одиннадцать...» Она думала, что *это* начинается в коллеже. Между пятым и третьим классом¹. Через два месяца начнутся занятия в шестом... «Если девочки узнают о месячных, решат, что я второгодница, стыда не оберешься...»

Нина встает, обматывает бедра жестким полотенчиком. Она очень худенькая — Этьен, желая позлить подругу, называет ее Проволочкой. Девочка молча отдает ему плеер и уходит в женскую раздевалку, хотя обычно раздевается-одевается в одной из кабинок мужской — там меньше народу.

Этьен и Адриен остаются на террасе. Нина убежала, не сказав ни слова, нарушив «Кодекс поведения троих»: расставаясь, каждый сообщает, куда направляется.

— Что это с ней? — удивляется Этьен, не выпуская соломинки из губ.

Адриен замечает, что язык у друга порозовел от сиропа.

— Не знаю... — Он пожимает плечами. — Может, астма опять напала...

В этот день Нина не возвращается на террасу. Она рассматривает коричневое пятно на купальнике, натягивает трусики, напихав внутрь пук скомканной туалетной бумаги, и торопится в «Маленький Кооператив» за прокладками. Покупает на оставшиеся десять франков самые дешевые. Целую упаковку.

Собака Нины, ее зовут Паола, странно на нее посматривает, виляя хвостом, принохивается, обходит девочку сзади и бежит к хозяину дома Пьеру Бо. Дед Нины возится в саду, он, слава богу, не заметил, что внучка вернулась, и она закрывается в своей комнате на втором этаже.

¹ Нумерация классов начинается во Франции не с первого, как в России, а с шестого. Таким образом, в 11 лет школьники идут в шестой класс *CM2* — среднего курса 2-го года начального образования, затем следует пятый и т. д. до третьего класса, т. е. до 14 лет.

Погода такая жаркая, что больше всего ей хочется вернуться к ребятам, в самый глубокий, четырехметровый, бассейн с тремя трамплинами — метровым, трех- и пятиметровым. Чаша бассейна такая глубокая, что вода не прогревается, и они каждый день на спор касаются ледяного дна.

Вечером Этьен звонит Нине, опередив Адриена, который в тот же самый момент набирает ее номер.

— Чего это ты так сорвалась, даже не попрощалась?

Она молчит, думает, что бы соврать. И решает сказать правду.

— Месячные начались.

Этьен считает, что *такое* случается только с грудастыми девицами, матерями семейств и замужними женщинами. При чем тут Нина? Сам он все еще сосет большой палец — когда никто не видит! — и обожает наклейки «Панини»¹, собрал несколько альбомов.

Они с Ниной похожи, Этьен однажды видел в ее комнате кучу разных Барби, сидящих в ряд на полке стеллажа.

Выдержав долгую паузу — она призвана выразить сомнение в правдивости слов подруги, — он продолжает допрос:

— Деду сказала?

— Нет... Неудобно.

— Что будешь делать?

— А почему я должна что-то делать?

— Может, тебе еще рано?

— Это вроде бы передается по наследству от матери.

Если у моей тоже началось в одиннадцать лет, значит, все в порядке. Но я этого не узнаю...

— Болит живот?

— Терпимо. Похоже на рези от гадкого лукового супа...

— Хорошо, что я не девчонка.

¹ Компания Panini (Италия, Модена) — мировой лидер производства стикеров, основана в 1961 г.

- Зато пойдешь в армию.
- Ну и пусть... Все равно хорошо. Собираешься к доктору?
- Еще не решила.
- Пойти с тобой?
- Может быть... Но ждать будете в коридоре.

* * *

Троица встретила десять месяцев назад во дворе начальной школы имени Пастера в первый учебный день.

В этом возрасте — чистый ужас, а не возраст! — все дети совершенно разные. Дылды и коротышки. Половозрелые и еще нет. Некоторым можно дать четырнадцать, другие и на восемь не выглядят.

Оба шестых класса собрались во дворе, и к шестидесяти ученикам вышли учительница мадам Блетон и учитель мсье Пи. Началась переключка.

Этим утром дети познают игру случая, удары судьбы и учатся отличать одно от другого.

Каждый ребенок — даже те, кто никогда не был у Святого причастия! — молят доброго Боженьку, чтобы его фамилию назвала мадам Блетон. О втором учителе ходит дурная слава: многие и многие бывшие «травмированные» им ученики предупреждают младших братьев и сестер, чтобы остерегались закоренелого мерзавца, щедрого на затрещины. Он любит схватить ученика за воротник, вздернуть его в воздух и потрясти, как кутенка за шкурку, а если разозлится основательно, ломает стулья об стену. Каждый год мсье Пи выбирает козла отпущения, вцепляется в него мертвой хваткой и терзает. Обычно не везет плохому ученику. «Старайся, иначе тебе хана!» — такое наставление дают ребятишкам жертвы учителя Пи.

Мадам Блетон — правый ряд, мсье Пи — левый. Фамилии выкликают в алфавитном порядке.

В правом ряду то и дело слышатся вздохи облегчения, кто-то поднимает глаза, благодаря Небеса, кто-то расслабляет плечи. Отправленные «налево» напоминают осужденных на казнь.

В то утро на школу имени великого Пастера опустилась гулкая свинцовая тишина, слышны только голоса двух учителей. Они по очереди произносят фамилии учеников на букву «А».

Адам Эрик — направо.

Антар Сандрина — налево.

Антюнес Флафие — направо.

Следом идут фамилии на «Б».

Бо Нина — налево.

Боклер Надеж — направо.

Больё Этьен — налево.

Биссе Орельен — направо.

Бобен Адриен — налево.

Вот так Нина Бо, Этьен Больё и Адриен Бобен сошлись 3 сентября 1986 года на школьном дворе, мальчишки оцепенели, и Нина, взяв за руки обоих, повела в «команду» мсье Пи. Этьен не сопротивлялся, не чувствовал стыда. Он получил двойной удар — его «разлучили» с дружкой Орельеном Биссе и отправили к Пи. В школе имени Пастера все ученики от подготовишек до старшеклассников преодолевают последнюю прямую перед коллежем, как полосу препятствий. «Ты у Пи? Ужас! Ад на земле!»

Трое ждут конца жеребьевки.

Этьен самый высокий. У него тонкое лицо, белокурые волосы, изумительно гладкая, как у ребенка с гравюры, кожа и синие глаза.

Темные густые волосы Адриена торчат в разные стороны, он худенький, белокожий и ужасно застенчивый — кажется, сейчас спрячется за себя самого.

Нина от природы грациозна, как лань. Густые брови и длинные ресницы обрамляют черные глаза. За лето она загорает до шоколадного цвета.